

# ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

## ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПРЕВРАЩЕНИЯ КУРСКО-ОРЛОВСКОГО ДИАЛЕКТА В ОСНОВУ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА \*

*И. М. Ионенко*

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании поставили перед исторической наукой ряд важнейших проблем, разрешение которых потребует совместных усилий историков и лингвистов. Одной из таких проблем является проблема складывания и развития русского национального языка, в основу которого, как указывает И. В. Сталин, лёг курско-орловский диалект.

В настоящей статье для обсуждения предлагаются некоторые предварительные соображения по вопросу об исторических условиях развития языка великорусской народности, по вопросу о том, как курско-орловский диалект стал основой русского национального языка.

Пока ещё очень трудно полностью осветить этот вопрос, ибо в последние десятилетия историки языка, находясь под влиянием так называемого нового учения о языке Н. Я. Марра, не имеющего ничего общего с марксизмом-ленинизмом, сделали крайне мало в области изучения грамматического строя и словарного состава русского языка. Внимание лингвистов-диалектологов было обращено главным образом на вопросы звуковой системы русского языка. В связи с этим и обоснование ряда положений, выдвигаемых в настоящей статье, страдает известной односторонностью. Всестороннее освещение вопроса о роли курско-орловского диалекта в истории русского национального языка станет возможным, как нам кажется, лишь на основе конкретного изучения грамматического строя и словарного фонда нашего языка за период по крайней мере с XII в., когда старая тенденция образования единой древнерусской народности сменилась тенденцией образования трёх народностей — русской, украинской и белорусской, и до XIX в. — до завершения процесса формирования русской нации.



Вопрос о курско-орловском диалекте (речи) как основе русского национального языка следует рассматривать как часть вопроса о складывании русской нации, как вопрос о складывании одного из четырёх её признаков. При этом, нам кажется, необходимо исходить из следующего положения И. В. Сталина: «...элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь,

\* И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания» указал, что основой русского национального языка послужил курско-орловский диалект. Это руководящее указание И. В. Сталина обязывает историков всесторонне исследовать вопрос о том, какие исторические причины обусловили такую роль курско-орловского диалекта. Публикуемая статья И. М. Ионенко представляет собой первую в исторической литературе попытку рассмотреть этот вопрос.

Несмотря на то, что статья И. М. Ионенко далеко не исчерпывает вопроса, редакция сочла возможным опубликовать её в порядке обсуждения. Редакция просит историков и языковедов высказать по данному вопросу своё мнение.

еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»<sup>1</sup>.

И. В. Сталин устанавливает последовательное развитие языков родовых, племенных, языков народностей и национальных языков и далее пишет: «...с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»<sup>2</sup>. Нам кажется, что в России ко времени образования централизованного государства на основе одного из древнерусских диалектов сложился язык русской народности, а примерно с XVII в. этот язык народности стал развиваться в национальный язык.

Необходимо также учитывать следующие указания И. В. Сталина: «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох». И далее: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем»<sup>3</sup>. Следовательно, при изучении условий возникновения орловско-курского местного диалекта необходимо учитывать ту племенную основу, на которой некогда сложилось население южных областей Русского государства.

Полагают, что накануне возникновения древнерусского государства диалект полян-руси являлся наиболее развитым по сравнению с диалектами других восточнославянских племён. В пору древней Руси на его основе протекал процесс складывания языка древнерусской народности, процесс, далеко не завершившийся ко времени феодальной раздробленности древнерусского государства. К тому времени восточнославянские племенные диалекты не успели ещё «перемолотиться», они продолжали сохраняться, постепенно превращаясь в местные диалекты исторически складывавшихся территорий древней Руси (например, Новгородская земля, Ростово-Суздальская, Чернигово-Северская и др.). Границы распространения диалектов при этом менялись. Так обстояло дело, например, с вятическо-северянскими диалектами, граница которых заметно перемещалась к северу и северо-западу. Формировавшийся в это время язык великорусской народности вбирал в себя элементы языкового творчества народа, расселённого на обширных пространствах севера и востока славянских земель. В этот период имела место и ассимиляция славянами ряда неславянских племён. Примером может служить ассимиляция славянами ряда северных неславянских племён, как известных нам (меря, мурома и др.), так, вероятно, и совершенно неизвестных.

На какой же основе складывался язык великорусской народности?

Язык является продуктом многовекового творчества народных масс. Но не везде, не во всех частях занимаемой той или иной народностью территории бывают одинаковые условия для языкового творчества. Языковому творчеству благоприятствует прежде всего степень интенсивности экономической, социальной и политической жизни. Она определяется уровнем и характером материального и духовного производства, условиями жизни, бытовым укладом населения, наконец, активностью народных масс, связанной с борьбой против классового угнетения, с многове-

<sup>1</sup> И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

<sup>2</sup> И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13. Госполитиздат. 1950.

<sup>3</sup> Там же, стр. 26.

ковой борьбой за национальную независимость и т. д. С другой стороны, нельзя не учитывать этнического состава населения того или иного района, его отношения к другим народностям.

Казалось бы, что, исходя из исторических условий, основой великорусского языка должны были послужить диалекты населения Владимиро-Суздальской земли, где после упадка Киева находились важнейшие центры экономической и политической жизни Руси. Этого, однако, не случилось, и понятно, почему: Владимиро-Суздальская область не являлась коренной восточнославянской территорией. До IX—X вв. её заселяли мерянские и муромские племена, принадлежавшие к угрофинской группе. В результате славянской колонизации местное население отнюдь не исчезло. Оно продолжало здесь жить и ещё в течение ряда столетий сохраняло свой древний язык. Славянская колонизация направлялась во Владимиро-Суздальскую землю из разных мест — из Новгородской земли, из Смоленщины, и верховьев Волги, и верховьев Оки, и с юга, из области Среднего Поднепровья. В результате всего этого население Владимиро-Суздальской земли в языковом отношении было чрезвычайно пёстрым. Там не было преобладавшего над другими прочного и устойчивого диалекта, на основе которого мог бы развернуться процесс складывания языка народности.

Такая же приблизительно картина наблюдалась и в другом важнейшем центре Северной Руси — в Новгородской земле, где окрестное крестьянское население было разноязычным и в значительной степени неславянским, где и в городе звучала разная речь. Открытые А. В. Арциховским новгородские берестяные грамоты, в частности грамота № 2, в которой перечислен ряд собственных имён, свидетельствуют о значительной пестроте этнического состава населения Великого Новгорода<sup>5</sup>.

Иначе обстояло дело с диалектами более южных областей формировавшейся великорусской народности — земель, расположенных по верхнему течению Оки, по Сейму и по Десне. Эти диалекты возникли на основе племенных диалектов коренного славянского населения — вятичей, радимичей и северян, повидимому, очень близких между собой. Здесь не было неславянских элементов, нарушавших устойчивость языка. Несомненно также, что эти диалекты были значительно ближе к древнерусскому (полянскому в основе) языку, чем диалекты северных областей, что являлось дополнительным источником их силы и устойчивости. Всё это и привело к тому, что именно эти диалекты, а не северные, легли в основу языка великорусской народности. В своё время Е. Будде не без основания высказал мысль о том, что Ока была колыбелью великороссов и речь южных приокских районов определила существенные особенности языка русского народа.

Известно, что Чернигов и другие города Черниговской и Северской земель, например, Курск и Рязань, являлись древними центрами славянской культуры, вокруг которых издавна интенсивно развивалось земледелие. Здесь, следовательно, имелось и многочисленное крестьянское население. Последние данные археологии ещё раз убеждают нас в том, что Черниговщина и Северщина являлись областями высокой земледельческой культуры<sup>6</sup>. О торговых и культурных связях этих земель достаточно известно. В связи с развитием торговли в Черниговском княжестве очень рано появилась своя денежная единица (новгород-северские гривны). Черниговское княжество, выделившееся и резко обособившееся к концу XI в., было одним из самых богатых княжеств времени до монгольского завоевания. Оно включало в свой состав территории, в прошлом заселённые радимичами, вятичами и северянами. В его состав входили

<sup>5</sup> См. А. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории» № 12 за 1951 г., стр. 80—81.

<sup>6</sup> См. Б. Рыбаков. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов». Т. 1. М.-Л. 1949.

Муром и земли, простиравшиеся до Москвы-реки. В это княжество входили также Тмутаракань и одно время Белоозеро.

Исключительную роль сыграло население Черниговских и Северских земель в борьбе со степью. Эта борьба началась едва ли не со времён Хазарского каганата, когда, как известно, вятичи, радимичи и северяне вынуждены были платить дань хазарам. В раннефеодальный период население этих районов ещё в большей степени втянулось в многовековую борьбу со степью — с печенегами и торками, затем с половцами. Особенно ответственное положение занимал Курск, обращённый в Придонские половецкие вежи.

В этой связи следует обратить внимание на гениальное произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором воспеты подвиги и несчастья населения интересующего нас края. Но, как справедливо отметил А. С. Орлов, «сам автор «Слова» не придерживался местных, узко областных интересов, он был настоящим сыном всей русской земли, представителем русского народа»<sup>7</sup>. Нельзя не прислушаться и к следующим соображениям А. С. Орлова, который писал о «Слове о полку Игореве»: «Созданное на юго-восточной окраине Руси, оно там не залежалось, не затерялось на границе «дикого поля», оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекало его окружность и, через 120 лет после появления, поэтической его речью пользовались как пословицей на далеком северо-западном крае Руси»<sup>8</sup>. В другом месте А. С. Орлов также связывает создание «Слова» с Северной областью Черниговщины: «Обойдя три четверти горизонта русской территории (Северская область Черниговщины — Псков — Рязань — Москва), «Слово о полку Игореве» нашло свое прибежище в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря...»<sup>9</sup>.

Вряд ли можно сомневаться в том, что патриотические, объединительные общерусские идеи «Слова» находили благоприятную почву у населения этого края, в основной своей массе поставленного в такие исторические условия, которые создавали в народе сознание ответственности за судьбы всей Руси.

Почти все исследователи «Слова» отмечают наличие в нём могучей фольклорной языковой струи, подчинявшей себе элементы книжного языка раннефеодального периода. Следует также указать и на тот несомненный факт, что в истории развития русской литературы на протяжении ряда веков «Слово о полку Игореве» служило образцом. Достаточно, например, вспомнить поэтические образы и приёмы Задонщины, сказание о Мамаевом побоище и другие. Сошлюсь на известного исследователя памятников древнерусской литературы С. К. Шамбинаго, который утверждал, что заимствования из «Слова о полку Игореве» сделаны в «Задонщине» «в высшей степени искусно, взяты в меру, помещены у места, служат украшающим дополнением к весьма искусному произведению»<sup>10</sup>.

Всё сказанное выше позволяет нам высказать взгляд, что в XI—XII вв. население Черниговщины и Северщины находилось в таких условиях экономического, социального и политического развития, которые способствовали интенсивному языковому творчеству, а сравнительно однородная этническая среда представляла для этого творчества прочную основу.

Монголо-татарское разорение тяжело сказалось на судьбах населения Черниговской и Северской земель. Не раз татары разоряли города и сёла по Сейму и Десне. Много раз ходили они через Северщину, и

<sup>7</sup> А. Орлов «Слово о полку Игореве», стр. 49. М.-Л. 1938.

<sup>8</sup> Там же, стр. 6.

<sup>9</sup> Там же, стр. 8.

<sup>10</sup> С. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. «Сборник отделения русского языка и словесности». СПб. 1906. См. также А. Орлов. Указ. соч., стр. 7 и другие.

Брянщину, и Смоленщину, а также за Оку. В XIII—XIV вв. население этих районов переселялось на север, в Московский край, в Брянщину. Переселялось сельское население, переселялись и бояре с дружинами, при этом не только из городов Чернигово-Северской земли, но и из Киевщины<sup>11</sup>. Одно за другим прекращали своё существование княжества в Посемье. К 80-м годам XIII в. окончательно ликвидировалось Курское княжество. После 1285 г. уже не встречается сведений о Курске. Как город, он был восстановлен лишь в XVI веке. Во второй половине XIII в. глухой и древний Чернигов. Причиной тому отчасти являлись и набеги литовских феодалов, начавшиеся ещё в конце 50-х годов. Центрами политической и хозяйственной деятельности на юге и юго-западе от Москвы становятся теперь «верховские» княжества и Брянск. Вплоть до XIV в. в Брянске княжат потомки чернигово-северских князей.

Здесь, на юге от Москвы, складывались основы великорусского языка, основы говоров, которые диалектологи относят к говорам среднерусским. Исследуя говоры Тульской и Орловской губерний и сопоставляя их с говорами Касимовского уезда, Рязанской губернии, Е. Будде пытался установить племенные основы этих говоров. По его мнению, и в Орловской и в Тульской губерниях говоры восходят к языку вятичей. Однако в них отмечается и влияние северян. «На долю северян остается в наших говорах умеренное аканье, твердое «к», звук «с» вместо «ц»<sup>12</sup>. Е. Будде отмечал далее, что в Брянском уезде особенно легко прослеживаются элементы северского диалекта. «Более всего в Брянском уезде мы встречаемся с элементами северского говора»<sup>13</sup>. Наконец, Е. Будде указывал, что древние северяне умеренно «акались». Е. Ф. Карский отмечал, что умеренно акающие говоры есть южновеликорусские говоры, главным представителем которых является московский говор<sup>14</sup>.

Советский диалектолог Р. И. Аванесов в работе «Вопросы образования русского языка в его говорах»<sup>15</sup> указывает на «аканье», как на характерную особенность южных говоров, и отмечает, что в XIII в. в Верховских княжествах «аканье» уже существовало. Распространение «аканья» он связывает с переселением части населения с юга на север. Наконец, он подчёркивает, что «аканье» образовалось в период феодальной раздробленности (в письменных источниках оно прослеживается с XV века). Р. И. Аванесов прав, когда он в качестве одного из важнейших условий развития говора выдвигает наличие большого компактного населения.

Подведём некоторые итоги. Характерной особенностью развития более южных районов формировавшейся великорусской территории являлось то, что население этих районов составляло компактную массу. Это обстоятельство исключало в южных районах диалектное многообразие в отличие, скажем, от северных и северо-восточных районов. Однородность первоначальной этнической основы — носителя диалектов, близких древнерусскому языку, постоянная борьба населения за национальную независимость способствовали здесь развитию и укреплению общей для значительной области «речи». Передвижение населения, бесспорно, имевшее место в последующее время, не могло уже внести существенного изменения в основу этой речи — наиболее устойчивой в пределах формировавшейся великорусской территории. Распространение населения на север, к Москве, в годы татаро-монгольского нашествия способство-

<sup>11</sup> Так, например, киевский боярин Родион переехал в Москву с 1700 дружинниками и слугами, то же сделал и черниговский боярин Плещеев. См. ПСРЛ. Т. IV. 55.

<sup>12</sup> Е. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний, стр. 4. «Русский филологический вестник» (РФВ). Т. 76. СПб. 1904.

<sup>13</sup> Там же, стр. 4—5.

<sup>14</sup> См. Е. Карский. Русская диалектология, стр. 53, 54. Л. 1924.

<sup>15</sup> Р. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ» № 9 за 1947 г., стр. 132.

вало продвижению туда же и этой «речи», где она, встречаясь с северными диалектами, испытала на себе некоторое их влияние.

Лучшей иллюстрацией этого процесса является складывание московского говора в XIII—XV веках. На север и северо-восток от Москвы, вокруг таких центров, как Ростов и Суздаль и, наконец, Владимир, наиболее характерными являлись «окающие» северные говоры. Нельзя не согласиться с Р. И. Аванесовым, который отмечает, что «Ростово-Суздальская земля... с самого начала отличалась диалектным многообразием, что было обусловлено неоднородностью ее первоначальной славянской колонизации, в которой приняли участие восточные кривичи, а также словене, кроме того вятичи, а частично, возможно, и другие племена»<sup>16</sup>. К этому следует добавить, как уже указывалось выше, что славяне впитали в себя и ряд других, неславянских племён. Развитие во Владимиро-Суздальской земле крупного вотчинного боярского землевладения, разобщённость после татаро-монгольского разорения отдельных феодальных земель отнюдь не способствовали ликвидации многообразия местных диалектов и говоров.

Что касается Московского края, то с древности он был заселён в основном потомками вятичей, а в годы борьбы с половцами и татаро-монголами на территорию, расположенную вокруг Москвы и особенно на юго-запад и юг от Москвы, как уже отмечалось, переселилось значительное однородное и близкое к вятичам население Новгород-Северщины и других южных областей. Особенно интенсивно прилиvalo в Московский край население с юга во второй половине XIII и в XIV веке. Это объяснялось тем, что лесные массивы преграждали сюда пути со стороны Золотой Орды. Привлекали крестьян и благоприятные условия для земледелия. Всё это и объясняет нам, почему «акало» население Москвы и прилежавших к ней территорий. Однако это «аканье» в отличие от южного диалектолога выражают понятием «умеренное аканье». «Умеренность» явилась следствием влияния на говор Москвы «окающих» северо-восточных и северо-западных говоров.

Уже давно было отмечено, что происходившие из ростово-суздальских областей господствующие верхи Москвы когда-то «окали», тогда как народные массы «акали». Известно, что лишь в XVII в. верхи начали «акать». Заметным стало «аканье» в речи Михаила Фёдоровича, и уже окончательно господствовало оно в речи Алексея Михайловича. Прав был А. А. Шахматов, когда отмечал, что с течением времени, как он выражался, «культурные верхи» на Москве «...должны были неминуемо подвергнуться влиянию народных масс, говоривших по восточно-русски» (юго-восточно-русски.— И. И.). Что же касается документов XV—XVI вв., составленных в Москве местными «дьяками», то они являются памятниками «акающего» говора.

В своё время лингвисты-диалектологи спорили о том, какой из типов говоров — южновеликорусский или северовеликорусский — явился основанием, а какой «наслоением» в русском национальном языке. Сейчас этот спор решён в пользу южных диалектов, которые в конечном счёте определили и московскую «речь» и легли через говор народных масс Москвы в основу развития языка русской народности.

Язык народности является новым качеством по сравнению с языком племенным. Он характеризуется дальнейшим обогащением основного словарного фонда языка, дальнейшим развитием его грамматики. Поскольку народность — это такая этническая общность, которая складывается при весьма слабых и неустойчивых экономических связях между отдельными областями, постольку в этот период ещё очень сильны местные диалекты, над которыми, однако, преагирует и которые подчиняет общенародный язык. Наконец, язык народности в отличие от

<sup>16</sup> Там же, стр. 136.

племенного языка приобретает большую устойчивость и сопротивляемость ассимиляции, в каких бы формах она ни выступала. Это новое качество определяется прежде всего социально-экономическим развитием общества — отделением ремесла от сельского хозяйства, ростом городов и городского населения, ростом товарно-денежных отношений, обмена и т. д.

Основу этнической общности, определяющей понятие «народность», составляет единство языка. На наш взгляд, язык великорусской народности (её основного ядра — Московского центра) в основном сложился в XV веке. В процессе объединения земель вокруг Москвы и складывания Русского централизованного государства создавались элементы единой русской культуры, нивелировались местные особенности в быту и культуре, развивались общерусские черты и особенности в литературном письме, живописи, зодчестве и т. д.

В основу языка великорусской народности легла речь крестьянского населения Северщины и верхнего течения Оки; эта речь определила московский говор, подчинивший себе другие местные диалекты (Новгорода Великого, Владимиро-Суздальского края и др.).



Говоря о том, что язык великорусской народности складывался в XII—XV вв. на основе юго-восточных «акающих» диалектов, мы отнюдь не хотим сказать, что этим решается вопрос и об языке русской нации. Курско-орловская «речь», о которой говорит И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания», не может быть приравнена к диалектам Северщины и верховьев Оки. Эта «речь», легшая в основу русского национального языка, образовалась, как нам кажется, позднее. Но, несомненно, в своей основе и она имела древние юго-восточные диалекты.

Как известно, с XIV в. верховья Оки и Северщины потеряли своё былое значение. Край этот, разорённый татарами, почти полностью оказался в составе великого княжества Литовского. Но с образованием Русского централизованного государства развернулась борьба за возвращение древнерусских земель, находившихся в составе Литвы. Исконные территории воссоединились с Русским государством. Вместе с тем начался период длительной и напряжённой борьбы русского народа с турецкой агрессией, с её авангардными силами — крымскими татарами. Оборона южных границ на длительное время приобрела большое значение в жизни Русского государства и тем более в жизни населения южных уездов.

Начиная с XVI в. имел место значительный отлив населения в южные уезды. Там восстанавливались и строились вновь города. Туда переселялись служилые люди, помещики и крестьяне. Ю. В. Готье отмечал: «Эта колонизация сразу отвлекла на юг некоторую часть оседлого посадского элемента и довольно много служилых людей, призванных защищать границы»<sup>17</sup>.

Н. А. Рожков относит этот процесс к 60—70-м годам, а Ю. В. Готье — ко времени хозяйственного кризиса в конце XVI века. Ю. В. Готье убедительно показал, что заселение этих районов в XVI—XVII вв. произошло вследствие «сползания» на плодородные земли населения из соседних мест. Особенно интенсивно шёл этот процесс в связи с хозяйственным кризисом 70—80-х годов XVI в. и последующим голодом в начале XVII в., когда население северо-западных и западных земель, а также центральных уездов сдвинулось в юго-восточном направлении.

<sup>17</sup> Ю. Готье. Замосковский край в XVII веке, стр. 87—88, 168—169, 170, 174, 176—177 и др. М. 1937; ср. Н. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. СПб. 1909.

Колонизация юга, развернувшаяся со второй половины XVII в. и особенно в XVIII и даже XIX в., шла из разных мест и отразилась, как правильно отмечает Р. И. Аванесов, в «...пестроте говоров разных по происхождению социальных групп на нашем юге»<sup>18</sup>.

С другой стороны, правительство направляло на юг из Московского центра кадры военных служилых людей, которые должны были организовывать, опираясь на местное население, оборону южных границ<sup>19</sup>. Во второй половине XVI в. Иван Грозный с большим знанием дела организовал украинную сторожевую службу. В 1564 г. был построен Орёл, а затем и другие города Орловщины.

При этом следует иметь в виду, что кадры служилых вербовались главным образом в городах южнее Москвы и на месте, за счёт местного исконного податного крестьянского населения и дворянства, а также беглого населения, приток которого был особенно велик в годы опричнины и последующего хозяйственного кризиса<sup>20</sup>. Повидимому, большую роль в заселении Курско-Орловского края в XVI—XVII вв. сыграли города, находившиеся к югу от Москвы.

В XVI в. в южных уездах господствовало крестьянское общинное и дворянское поместное землевладение. В отличие от поместий по «отечеству» служилые приборные люди получали землю «в ряд», «вопче», «в ровенстве», «через межу», «в одних гранях и межах и урочищах». Складывалась так называемая сябринная, близкая к крестьянской, форма землевладения. Служилая мелкота — украинные «детушки» боярские, городовые казаки, пушкарки, затинщики, засечные сторожа, рейтары, драгуны, солдаты — составляла промежуточный слой между крупными землевладельцами и тяглым крестьянством. При этом в служилые люди власти набирали народ без особого разбора. Часто к сябрам служилым в «дачу» присоединялись бежавшие сюда из центральных уездов крестьяне. Московские бояре и помещики возбуждали сотни и тысячи исков против приборных людей, указывая, что эти бежавшие в разное время люди — их крестьяне. Но правительство не удовлетворяло эти иски до тех пор, пока южные районы к концу XVII в. не стали терять своего оборонного значения.

Таким образом, интересующая нас область усиленно заселялась со второй половины XVI века. Пришлое, беглое и посадское население, отчасти служилые люди дворяне оседали в городах и вокруг городов, смешиваясь с местным населением. Не подлежит сомнению и тот факт, что служилое дворянство здесь на протяжении большого времени испытывало на себе влияние народного языка, живой местной речи. Ввиду этого разговорная речь дворянства южных уездов была в то время богаче и ярче, нежели речь господствовавшей верхушки светских и церковных феодалов в уездах на север от Москвы. В конечном счёте это положительно сказывалось и на развитии языка московского делопроизводства.

Служилые люди южных уездов принимали активное участие и в решении государственных дел. Оттуда прибывало значительное количество представителей на Земские соборы. Они играли на Соборах заметную роль, особенно по вопросам внешней политики. Активное участие служилых людей на Земских соборах, выполнение ими многочисленных и

<sup>18</sup> Ю. Готье. Указ. соч., стр. 143.

<sup>19</sup> В разрядных книгах второй половины XVI в. указывается, что правительство под городами Новгород-Северским, Мценском и Орлом из года в год располагало ополчения. См. ПСРЛ. Т. VIII, 245, 283; см. также И. Беляев. О сторожевой и станичной службе. «Чтения в обществе истории и древностей Российских» № 4. 1846; Д. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI и XVIII ст. Т. I и II. Харьков. 1886; В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии. «Русский филологический вестник». Т. XXXVIII. Варшава. 1897.

<sup>20</sup> Ю. Готье. Указ. соч., стр. 174.

разнообразных поручений и заданий правительственных органов по обороне южных границ находили своё оформление в письменных документах. Удельный вес дворянства южных уездов в политической жизни страны был велик, и не только в XVI и XVII вв., но и в XVIII веке. Всё это нельзя не учитывать при выяснении влияния курско-орловского диалекта на развитие не только разговорного, но и делового, или приказного, языка Москвы.

В XVI—XVII вв. южные уезды представляли собою уже вполне «освоенную» помещиками и государевой администрацией территорию средней полосы России. Особенно заметно росла здесь плотность населения в XVII в., когда развёртывался процесс экономического районирования и интересующие нас районы выделались и определелись как базы сельскохозяйственного производства.

Концентрация крестьянского населения и помещиков является одной из причин, вызвавших напряжённость и особую остроту классовой борьбы в южных уездах. Помещики здесь не только жестоко эксплуатировали крестьян, но и решительно наступали на крестьянские земли, постепенно сокращая их, чего, например, мы не наблюдаем в это время во многих местах на севере.

В XVI—XVII вв. в областях, расположенных к югу от Москвы, широкой волной развернулось крестьянское антифеодальное движение, здесь скапливались наиболее активные социальные элементы, которые быстро и решительно реагировали на угнетение со стороны начальных людей и помещиков. Они оказывали упорное сопротивление попыткам бояр захватывать земли и превращать крестьян, а также и служилую мелкоту в крепостных. Ярким примером в этом отношении является Комарицкая волость. По утверждению И. И. Смирнова, «Комарицкая волость выступает как один из основных центров восстания Болотникова»<sup>21</sup>. Эта волость представляла собой сплошной крестьянский массив. Подавляющее большинство её населения составляли тяглые крестьяне. В XVI в. она являлась дворцовой волостью. В середине XVII в. она превратилась в укреплённый район, а её население военизировалось. Фёдор Иванович отдал было её Борису Годунову, но население волости решительно поднялось против закрепощения, и Годунов разорил Комарицкую волость незадолго до восстания. Повидимому, в связи с этим жители Комарицкой волости и примкнули к Лжедмитрию I, имея в виду борьбу с царём Борисом. В 1606 г. здесь вспыхнуло крестьянское восстание под руководством И. Болотникова. Классовая борьба в Русском государстве оказалась наиболее острой именно на юге. Она была крайне обострённой на юге и в последующее время (восстание в Курске в 1648 г., волнение 1682 г. и др.).

До включения «заочких» «верховских» городов в состав Русского государства они были обращены против Литвы, с XVI в. они превратились в опорные пункты обороны против крымских татар.

Основной дорогой, соединявшей Москву с этим краем, была дорога московская, или посольская, шедшая через Тулу на Курск, рядом с которой лежал знаменитый Муравский шлях. С запада и юго-запада по Десне стояли северские города: Брянск, Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов, Моравск; обращённые к Литве и Польше, они как бы прикрывали и замыкали интересующий нас край с запада и юго-запада. Против татар были обращены города по Сейму: Путивль, Рыльск, Севск с Комарицкой волостью, Курск и ряд других, отстроенных во второй половине XVI в. (Белгород, Царёв Борисов и другие).

Почти у самых стен Путивля сходились московская и польско-литовская границы, а между ними к Путивлю клином подходило поле, ко-

<sup>21</sup> И. Смирнов. Восстание крестьян под руководством Ивана Болотникова, стр. 109. М. 1949.

торое не было заселено и освоено ни Литвою, ни Русью. На север от Сейма и на восток от Десны находились компактные массивы крестьянского населения, очень рано втянутого в систему обороны, которую с XVI в. усиленно организовывало московское правительство. Эта система обороны на юге должна была не только прикрыть центр от набегов турецких наёмников крымских разбойников — татар, — но и явиться опорой для последующей борьбы за возвращение «киевской отчины» из-под власти Литвы и Польши.

В годы борьбы русского народа против литовско-польских и шведских захватчиков в составе населения южных уездов произошли весьма существенные перемены. Литовско-польские феодалы и отряды крымских татар жгли и разоряли города и сёла. Население героически оборонялось, проявляя при этом большую самостоятельность и активность. Часть крестьянского и служилого люда уходила на север, а часть на юго-запад и юг — в удалённые от шляхов места, по которым татарские захватчики обычно шли к Оке. Юг сыграл значительную роль в национальной борьбе русского народа. Минин и Пожарский недаром посылали своих людей, а затем и целые отряды в южные уезды, ибо имели основание надеяться получить там не только поддержку, но и отряды опытных воинов, а также организовать местными силами оборону на юго-западных границах государства.

Вплоть до середины XVII в. из года в год усиливались набеги крымских татар<sup>22</sup>. Но районы вокруг Орла и Курска, лежавшие в стороне от путей, по которым совершали свои набеги татары, продолжали заселяться. При этом в курский район прибывало население из разорённых в начале века районов Карачева, Брянска, Белёва, Козельска, Лихвина, Калуги и Алексина, то есть как раз из тех мест, в которые во время татаро-монгольского ига пришло население из Северщины<sup>23</sup>. С 1635 г. началось строительство Белгородской черты. Успех этого важнейшего государственного мероприятия обеспечивался прежде всего тем, что к этому времени население продвинулось далее на юг за прежнюю оборонительную черту. Создание Белгородской черты сопровождалось усилением притока населения на юг из подмосковных районов.

В то же время развивалось сельское хозяйство и ремесленное производство, а также зарождалось мануфактурное производство. Развитие экономики южных уездов было теснейшим образом связано с необходимостью обеспечить оборону государства. Вот почему именно в Туле возникли первые железоделательные мануфактуры.

Во второй половине XVII в., особенно в связи с присоединением к России Украины и перемещением границы государства на юг, интересующий нас край продолжал усиленно заселяться. С конца XVII в. феодальная и чиновная аристократия стала вывозить на юг крестьян из разных мест, из своих вотчин и имений. В XVIII в. Курско-Орловский край характеризовался высокой плотностью крепостного крестьянского населения.

Таким образом, мы имеем достаточно оснований для предположения, что курско-орловский диалект возник в XVII в., когда Курско-Орловский край уже имел густое и устойчивое население. Этот диалект сложился на основе разговорной речи местного населения и населения, переселившегося из соседних, расположенных к северу и северо-западу от него районов, то есть того населения, говоры которого наши диалектологи обычно определяют как среднерусские, или умеренно «акающие». Одним из таких говоров и стал курско-орловский говор.

Уже давно было отмечено, что в лексике, морфологии и синтаксисе говоров Курской губернии в XIX в. не было существенных отличий от

<sup>22</sup> См. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л. 1948.

<sup>23</sup> См. там же, стр. 161, 162, 163, 370, 407 и др.

московского говора и литературного языка. Различия становятся заметными и значительными, когда мы обращаемся к фонетическим особенностям речи населения этих районов (сильное «аканье»).

В работе Р. И. Аванесова находим весьма интересное утверждение, что в укреплении и распространении «аканья», в частности в говоре господствующих классов и культурных кругов Москвы, большое значение имели события конца XVI и в особенности начала XVII века<sup>24</sup>.

Этот вывод языковеда-диалектолога вполне согласуется с нашими представлениями. Курско-Орловский край в XVII в. был областью, где наиболее остро проходила социальная борьба, развёртывалось социальное движение; в этом крае, ввиду его оборонного значения, правительственная власть вынуждена была опираться на широкие, втянутые в «службу государеву» массы государевых же крестьян. В сознании простого крестьянина там укрепилось представление о его высокой и почётной роли в обороне государства. Там скапливались и оседали наиболее активные социальные элементы как в борьбе с крымцем, так и в борьбе с боярином. В этом крае, наконец, скапливалось и росло в целом однородное в этническом отношении население.

Понятно, что в этих условиях интенсивно шёл и процесс языкового творчества. Южные уезды, которые являлись опорой и средоточием сил обороны государства и жили напряжённой социальной жизнью, создали курско-орловскую «речь», курско-орловский диалект языка русской народности, который и послужил основой русского национального языка.

Курско-орловская «речь», по своему происхождению восходящая к юго-восточным диалектам древнерусского языка, не только сохраняла золотой фонд словарного состава языка раннефеодального периода, языка «Слова о полку Игореве», но и непрерывно обогащалась новыми словами и понятиями в условиях повышенной социально-политической активности населения южных районов страны в XVI—XVII веках. Интенсивность процесса языкового творчества в Курско-Орловском районе выражалась, очевидно, в сравнительно быстром росте словарного состава языка, в более активном развитии морфологических и синтаксических особенностей, в складывании и развитии характерной для русского языка звуковой системы.

Если Русь собиралась и объединялась вокруг Москвы, то лабораторией её языка из столетия в столетие являлись районы, лежавшие к югу от Москвы. Их языковое творчество питало и определяло московскую «речь» как в период возникновения русской народности, так и в период формирования русской нации.

Развитие языка народности в язык национальный на основе курско-орловского диалекта было теснейшим образом связано с социально-экономическим развитием страны. По определению В. И. Ленина, примерно с XVII в. начинается новый период русской истории, когда усиливается обмен между областями, растёт товарное обращение, происходит концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок, постепенно ликвидируется экономическая разобщённость и раздробленность<sup>25</sup>. Эти социально-экономические процессы сопровождались такими важнейшими явлениями, как полное закрепощение крестьянства и усиление феодально-крепостнического гнёта, как крайнее обострение классово-борьбы, вылившееся в мощную крестьянскую войну под руководством С. Т. Разина, как многочисленные войны, религиозные движения и т. д.

Развитие живой речи народных масс, как и литературного языка, направлялось всеми этими процессами в жизни народа и государства.

<sup>24</sup> Р. Аванесов. Указ соч., стр. 154.

<sup>25</sup> См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

При этом письменный язык оказывал большое влияние на местные диалекты. В развитии русского литературного языка определяющая роль принадлежала Москве, где в этот период происходила известная демократизация книжного языка.



Понятно, что в XVII в. были заложены лишь основы языка русской нации, который продолжал оформляться и в течение последующих веков мало-помалу заглушил и подчинил себе местные диалекты. Его творческая лаборатория в этот период неизмеримо расширилась. Он создавался в Москве, Петербурге, в десятках новых городов, в среде сельского населения, среди рабочего населения возникавших в средней России промышленных центров.

Возникнув на основе курско-орловского диалекта, русский национальный язык в своём развитии скоро ушёл далеко вперёд, а «речь» Курско-Орловского края мало-помалу превратилась в один из затухающих местных диалектов этого языка.

Более того, «речь» Курской и Орловской губерний в силу изменявшихся исторических условий приобретала некоторые новые черты. В-первых, на её характере сказалось более тесное и постоянное взаимодействие с украинским и белорусским языками (известно, что Черниговщина оказалась районом развития украинской народности, а за Десной господствующее положение занял белорусский язык). Во-вторых, нельзя не учитывать серьёзных изменений в социально-экономической жизни края, а именно: поголовное закрепощение крестьян. резкое ухудшение правового положения, абсолютное ухудшение материальных условий жизни. Наказы крестьян и однодворцев в Комиссию по Уложению (например, из Одоевского уезда) весьма убедительно раскрывают тяжбу за землю между крупными помещиками и однодворцами и крестьянами, картину ужасающего произвола, судебной волокиты и продажности суда, картину классового антагонизма. Жалобы на произвол по поводу захвата земель помещиками заполняют собою указы. Крепостное право наиболее полное выражение нашло в Орловской и Курской губерниях в XVIII и XIX вв., приняв там бесчеловечные, ужасающие формы. И не случайно в конце XVIII в. в Орловской губернии широко развернулось крестьянское движение, которое было подавлено дворянским правительством с исключительной жестокостью<sup>26</sup>.

Таковы некоторые предварительные соображения относительно исторических условий, определивших роль и значение курско-орловского местного (территориального) диалекта в развитии великого и могучего русского национального языка. Мы полагаем, следовательно, что в рамках XII—XV вв. на основе юго-восточных «акающих» диалектов, восходящих к племенным диалектам вятичей и северян и, повидимому, очень близких формировавшемуся некогда древнерусскому языку, сложился язык русской (великорусской) народности. В рамках XVI—XVIII вв., когда создавалась русская нация, главной лабораторией её языкового творчества продолжали оставаться области, лежавшие на юг от Москвы, в числе которых в силу ряда исторических причин особенное значение приобрели районы Курска и Орла. Сознавая, что отдельные положения настоящей статьи ввиду отсутствия специальных исследований аргументированы нами недостаточно, мы, тем не менее, считаем возможным поставить их на обсуждение.

<sup>26</sup> См. Ю. Готье Указ. соч., стр. 175, 176, а также указанные работы И. Беляева, Д. Багалея, А. Новосельского и других.